

Л. Э. Найдич

Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль. larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В ЛЕНИНГРАДЕ-САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ¹

В статье рассматриваются взгляды на эволюцию фонологических систем двух ученых, преподававших в Ленинградском университете: М. И. Стеблин-Каменского и Л. Р. Зиндера. Во второй половине 50-х годов вопросы диахронической фонологии были затронуты ими почти одновременно. Анализируется сходство и различие концепции звуковых изменений у этих авторов. Зиндер отрицал роль аллофонических изменений как подготовки к фонемным, подчеркивая, что фонемные изменения — это мутация, а варьирование аллофонов существует постоянно. В этом концепция Ленинградской фонологической школы отличается от взглядов Стеблин-Каменского, признававшего постепенность изменений на аллофоническом уровне. Стеблин-Каменский рассматривал звуковые изменения в терминах различительных признаков. Однако в статье 1970 г. он резко критикует трактовку фонемы как пучка различительных признаков, выступая против «примитивной формализации». Понимание различительного признака Зиндера и его учеников сложнее. Их труды показывают фонетическое разнообразие одного и того же различительного признака: его единство вызвано языковой системой. При этом на первый план выходит морфология. Заслугой обоих ученых являются лекции, часто выходившие за рамки университетских программ, и организация семинаров, пользовавшихся большой популярностью у молодых исследователей.

Ключевые слова: М. И. Стеблин-Каменский, Л. Р. Зиндер, фонологические школы, диахроническая фонология, различительные признаки, фонологизация аллофона.

L. Naiditch

Hebrew University of Jerusalem, Israel/ larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Linguistic Schools in St. Peterburg-Leningrad. Diachronic Phonology

The paper discusses the views on the evolution of phonological systems of two scholars who taught at Leningrad University, M. I. Steblin-

¹ Автор выражает глубокую признательность Наталии Дмитриевне Светозаровой и Анне Владимировне Павловой за помощь в подготовке статьи.

Kamensky and L. R. Zinder. In the second half of the 1950s, questions of diachronic phonology were touched upon by them almost simultaneously. Analyzed are both similarities and differences in the approach to sound changes of the two authors. Zinder denied the role of allophonic changes as preceding phonemic ones, emphasizing that phonemic changes are a mutation, whereas allophonic variation exists constantly. This constitutes the chief difference between the concept of the Leningrad phonological school (Zinder and his colleagues) and the views of Steblin-Kamensky, who recognized the ‘gradualness’ of changes at the allophonic level. Although Steblin-Kamensky’s concept of sound changes relied on distinctive features, in an article of 1970, he sharply criticizes the interpretation of the phoneme as a bundle of distinctive features (as a result of “primitive formalization”). The concept of distinctive feature of Zinder and his school is more complicated. Their studies show the phonetic diversity of the same distinctive feature: its unity is caused by the language system, morphology playing thereby an important role. In their lectures, both linguists often went beyond the scope of university programs; their seminars were very popular with young researchers.

Keywords: M. I. Steblin-Kamensky, L. R. Zinder, phonological schools, diachronic phonology, distinctive features, phonologization of allophones.

1. Введение

Ленинградская (Санкт-Петербургская) фонология восходит к идеям, трудам и педагогической деятельности И. А. Бодуэна де Куртенэ, преподававшего в Петербурге в 1900–1918 годах и оставившего существенный след в педагогической и научной деятельности университета. Его последователь Л. В. Щерба основал фонетико-фонологическую школу, называемую щербовской или ЛФШ (Ленинградская фонологическая школа) и внесшую важный вклад как в исследование истории конкретных языков, так и в общую фонологическую теорию. Ленинградская (петербургская) школа характеризуется, прежде всего, взглядами на фонологическую синхронию. Однако и диахроническая фонология нашла развитие в трудах и в лекциях ленинградских лингвистов.

Основы структурного подхода к языковым изменениям были заложены Романом Jakobsonом в 1930-х годах (Jakobson 1985: 116–132), а бурное развитие диахронической фонологии в разных странах приходится на 50-е годы. Во второй половине 50-х годов эти вопросы начинают затрагиваться и в работах ленинградских лингвистов: Л. Р. Зиндер «О звуковых измене-

ниях» (1957), М. И. Стеблин-Каменский «Исландское передвижение согласных» (1957)². А в середине 1960-х годов вышли в свет две важные для диахронической фонологии книги: Зиндер, Строева «Историческая фонетика немецкого языка» (1965), Стеблин-Каменский «Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков» (1966). В обеих книгах теория диахронических изменений дается в ходе анализа конкретных явлений в истории языка. Но имеется и теоретическое введение. Стеблин-Каменский и Зиндер / Строева работали независимо друг от друга, но при этом основы их подхода к изучаемому материалу и сделанные ими теоретические выводы во многом, хотя и не во всем, совпадают.

По-видимому, не случайно диахроническая фонология в Ленинградском университете разрабатывалась именно германистами (в широком смысле слова). Такие явления, как умлауты, разного рода преломления гласных и передвижения согласных традиционно были материалом исторической фонетики германских языков. Дать им фонологическую интерпретацию стало задачей фонологов. Далее пойдет речь о ряде взглядов и идей, касающихся звуковых изменений в научном наследии упомянутых ученых.

2. Фонологические изменения — изменения в системе

«Как происходят в языке звуковые изменения? — вопрос, который занимал меня в течение последнего десятилетия и многих лингвистов до меня. В сущности это самый общий и основной вопрос исторического языкознания», — пишет Стеблин-Каменский в предисловии к книге (1966: 3). Как известно, важнейшая идея диахронической фонологии состоит в кардинальном различии двух видов звуковых изменений. Они могут касаться: а) фонемного состава отдельных слов и б) изменений в системе фонем (Zinder 1979: 240; Zinder, Stroeua 1965). Стеблин-Каменский называл явления первого типа синтагматическими, а второго парадигматическими. Синтагматические по терминологии Стеблин-Каменского изменения не являются по сути дела предметом диахронической фонологии

² Основные труды М. И. Стеблин-Каменского собраны в книге: Стеблин-Каменский 2003.

(ср. Zinder 1979: 241, Steblin-Kamensky 1966: 8–24). Они представляют собой замену одной фонемы, существующей в данной системе, другой и могут произойти даже в одном слове. В то же время возникновение новых фонем и исчезновение старых ведет к изменению всей фонологической системы (парадигматические изменения). Существование двух типов звуковых изменений подчеркивалось обоими учеными.

3. Вопрос о различительном признаке

Характерным для историко-фонологических исследований скандинавских языков Стеблин-Каменского было обращение к изменениям различительных признаков фонем. Он указывает на то, что возникновение новой фонемы может быть, а может и не быть связано с образованием нового различительного признака. Последнее происходит, например, при заполнении пустой клетки в системе. Смену различительных признаков фонемы ученый подробно описывает при рассмотрении скандинавского ротацизма, когда фонема /z/ стала фонемой /R/ в праскандинавском. Он показывает, что признак звонкости /z/ перестал быть различительным и сменился признаком раскатистости, звонкий сибиллянт /z/ превратился в раскатистый сибиллянт, подобный чешскому *ž*. При этом не только число фонем осталось прежним, но не изменились и различительные признаки в системе: «звонкость стала irrelevantной в одной фонеме (хотя и не исчезла из нее фонетически), но осталась релевантной в других; раскатистость стала релевантна в двух фонемах, тогда как раньше она была релевантна только в одной; сибиллянтность по-прежнему осталась релевантна в двух фонемах» (1966: 36). Другой пример смены различительных признаков в корреляции, рассматриваемый Стеблин-Каменским, — это сдвиги согласных, «когда глухие смычные стали придыхательными, а звонкие — непридыхательными в исландском» (1966: 14, 97). «Иначе говоря, в смычных произошла фонологизация придыхания с одновременной дефонологизацией звонкости» (там же: 97). В фонетическом плане произошло «более или менее полное оглушение непридыхательных смычных» (там же).

Позже, в написанной совместно с Г. В. Воронковой во многом сенсационной статье 1970 года Стеблин-Каменский критикует концепцию пучка различительных признаков фоне-

мы и выражает скепсис по поводу интерпретации звуковых изменений в терминах лишь сдвигов оппозиций (Voronkova, Steblin-Kamensky, 1970). Так, по Мартине, превращение ряда палатальных в ряд шипящих якобы не является фонологическим фактом, так как не повлияло на остальные согласные, что с точки зрения Стеблин-Каменского не выдерживает критики. По его мнению, важны не только оппозиции, но и содержание признаков. А определение этого содержания требует фонетического анализа, который в истории языка может быть сделан лишь гипотетически. Вопрос, поставленный в рассматриваемой статье и даже вынесенный в ее заглавие, заострил проблему, но не разрешил ее. Насколько мне известно, ответ на него не был дан ни в рамках ленинградской диахронической фонологии, ни другими фонологическими школами.

В связи со статьей Стеблин-Каменского и Воронковой, критикующих важнейшую основу фонологических понятий, возникает вопрос, что понимают фонологи под различительным признаком — является ли он единым фонетическим элементом у разных фонем. Зиндер считал различительный (дифференциальный) признак абстрактным понятием, что доказывают и экспериментальные исследования. «[...] дифференциальный признак подобно фонеме не имеет однозначного артикуляторно-акустического коррелята» (Zinder 1979: 44). Так, «фонетические характеристики твердых и мягких согласных представляют сложную картину, не соотносящуюся однозначно с противопоставлением ‘дизный — простой’» (Bondarko, Zinder 1961: 11; Zinder, Bondarko, Verbickaja 1964). «Противопоставление глухих и звонких согласных является как будто бы наиболее простым с фонетической точки зрения. Однако ряд фактов свидетельствует о том, что нельзя рассматривать звонкие согласные как соответствующие глухие с добавлением голоса» (Bondarko, Zinder 1961: 12). Различительный признак проявляется по-разному и у разных фонем, и у одной и той же фонемы в разных позициях. Единство различительного признака Зиндер видит в функционировании фонем. Например, в русском языке все непалатализованные чередуются с палатализованными перед гласными переднего ряда; палатализация может иметь и морфологическую функцию (Zinder 1979: 44). Таким образом, важнейшую роль по теории ЛФШ играют чередования и морфологическая функция фонем. Такая точка

зрения отчасти устраняет скепсис Стеблин-Каменского по поводу пучков различительных признаков. В фонетико-фонологическом содержании фонемы, исходя из этого, нельзя механически выделить релевантный признак, отбросив все остальные как нерелевантные. Таким образом Зиндер объяснял понятие различительного признака и в своих лекциях. По-видимому, стоит здесь вспомнить слова Л.В. Щербы, который писал: «Прежде всего мы воспринимаем как тождественное всё мало-мальски сходное с акустической точки зрения, ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением, и, с другой стороны, мы различаем всё способное само по себе ассоциироваться с новым значением» (Shcherba 1974). Эту точку зрения критиковали за нефункциональный подход, т.е. за то, что исходной было фонетическое сходство, и Л. Р. Зиндер, читая на лекциях эту цитату, делал ударение именно на слова «мало-мальски», стараясь подчеркнуть фонологическую составляющую в смысле высказывания Щербы. Но представляется, что «психологизм» Щербы здесь связан не с устарелым представлением о соотношении фонологии с фонетикой, а с глубокими психологическими факторами — стремлением носителя языка к категоризации и наличием глубокой и прочной ассоциативной связи звучания и значения.

При любой интерпретации вопрос о рефонологизации, особенно в случаях передвижений согласных, остается открытым. Если различительный признак имеет разную фонетическую природу у разных фонем (например, мягкость у /t'/ с фонетической точки зрения не то же самое, что мягкость у /p'/ и т. п.), то как и почему происходит смена релевантного признака; а она несомненно существует? Скорее всего, этот ответ следует искать в экстрафонологических факторах, например: социолингвистических (языковые интерференции) и психологических.

4. Предшествуют ли постепенные изменения аллофонов фонологическим изменениям?

Как известно, традиционным в дофонологическом языкознании было представление о постепенности звуковых изменений. Считали, что они начинаются с незначительного сдвига артикуляции, который постепенно, иногда в течение длительного времени усиливается. Зиндер резко выступал против

такого представления в любой форме, считая его несовместимым с фонологией (Zinder 1979: 242). «Идея постепенного изменения фонетических свойств звуков речи чужда по существу учению о фонеме» (Zinder, Stroevea 1965: 10). Фонема всегда представлена целым рядом аллофонов, которые лишь при особых предпосылках ведут к изменениям фонологической системы. Но, «каждый аллофон является в потенции новой фонемой» (Zinder 1979: 242). Например, еще до фонологизации умлаута целый ряд фонем древневерхненемецкого выступал «в двух вариантах — переднем, при наличии ассимилирующих условий, и заднем, в остальных случаях» (Zinder, Stroevea 1965: 78). Таким образом, эти аллофоны давно (или всегда) существовали и как будто ждали толчка для фонологизации. Правда, «в большинстве случаев о вариантах фонем можно судить только по тем сдвигам в фонологических системах, которые обнаруживаются в последующих периодах истории языка» (там же).

Именно в этом вопросе наблюдается расхождение между Зиндером и Стеблин-Каменским, считавшим, что сдвиги в системе могут начаться с аллофонных изменений. При этом он различает аллофоническое варьирование и аллофонное изменение. «Аллофонное изменение это, конечно, совсем не то же самое, что аллофоническое варьирование фонемы, или варьирование в реализации фонемы в зависимости от ее положения в синтагматической цепи, т. е. наличие у нее аллофонов. Аллофонное изменение — это изменение в аллофоническом варьировании фонемы, появление у нее нового аллофона или исчезновение старого. Аллофоническое варьирование фонемы — это явление синхронии. Аллофонное изменение — явление диахронии. Аллофонное изменение — это всегда физическое изменение звука речи. Как правило, оно предшествует фонемному изменению» (Steblyn-Kamensky 1966: 9). Отличие фонологической точки зрения от традиционной фонетической Стеблин-Каменский видит в том, что фонология признает постепенность только аллофонических изменений, в то время как фонемные изменения представляют собой «качественный скачок».

Особенно сложно интерпретировать с точки зрения различительных признаков передвижения согласных (Lautverschiebung), когда происходит лишь смена содержания корреляции, как в широко известном германском первом перебое (закон

Гримма) и в верхненемецком втором перебое. В более современных германских языках существует тенденция перехода смычных глухих в аспирированные, а звонких в глухие (Steblich-Kamensky 1966: 97). Могла ли эта рефонологизация происходить постепенно? «На бумаге /p t k/ превратились в /p^h t^h k^h/. А в действительности камень медленно катился по длинному склону. Сегодня мы видим, что английский, норвежский, шведский и северно-немецкий на полпути к цели (аспирация преобладает, но звонкость не совсем утеряна). Датский и исландский использовали возможность рефонологизации /p t k/ : /b d g/; /b d g/ в них глухие», — пишет А. С. Либерман (Liberman 2012: 12; перевод мой — Л. Н.).

Действительно, изучение некоторых звуковых изменений приводит к выводу о возможности постепенных аллофонических сдвигов. Об этом меня заставил задуматься материал немецких диалектов, в частности, говоров немцев-колонистов на территории России и Украины. В нижненемецком диалекте меннонитов, живущих сегодня в Казахстане, куда они были сосланы во время Второй мировой войны, я услышала: /t'œt'/ 'Kirche', /boœt'/ 'Birke', /t'na:çt/ 'Knecht', /brid'/ 'Brücke', /zin'ə/ 'singen' с палатальными согласными, напоминающими русские палатализованные. В этих примерах /t'/ восходит к *k*, а /d'/ к *gg*. Такие палатальные согласные представляют собой самостоятельные фонемы, фонологизация которых произошла в результате ряда процессов. О том, что «мягкость» является здесь различительным признаком, свидетельствует наличие оппозиций, т.е. минимальные пары. Ср., например: /t'œt'/ 'Kirche' — /koœk/ 'koche'.

То, что перед нами результаты фонологизации аллофона, не вызывает сомнений (Naiditsch 2015). Сравнение этих примеров со сходными в других языках и диалектах, например, в английском, фризском, в диалектах нидерландского, наводит на мысль о таком состоянии, когда звуковое изменение находится «на полпути» (ср. /t'œt'/ 'Kirche' и английское *church*) и о возможности аллофонных изменений, как их представлял себе Стеблин-Каменский (Naiditsch 2022).

5. Фонологизация аллофона

В вопросе о фонологизации расхождений между Стеблин-Каменским и Зиндером / Строевой, по-видимому, нет. Ученые трактуют это явление в рамках уже разработанной к этому времени диахронической фонологии. «Фонологическое противопоставление возникает тогда, когда различие позиций, определявших разный характер вариантов, исчезает, а фонетическое различие между вариантами сохраняется, хотя они оказываются теперь в одинаковых фонетических условиях» (Zinder, Stroevea 1965: 12). Зиндер пишет о фонологизации умлаута в немецком языке: «После XII в. происходит редукция безударных /i/ и /j/, т. е. утрачивается фонетическая причина возникновения передних аллофонов, вследствие чего они обособляются от задних и получают самостоятельное обозначение на письме» (Zinder 1979: 243). Сходным образом рассматривает фонологизацию аллофона Стеблин-Каменский: «Два аллофона одной фонемы, обусловленные двумя разными окружениями (например, ассимилирующим воздействием двух разных фонем), оказываются в одинаковом окружении в результате исчезновения различия между этими окружениями (например, в результате того, что ассимилирующие фонемы перестают различаться в данных положениях). Тем самым эти аллофоны уже не аллофоны, а самостоятельные фонемы, хотя физически они сами не претерпели никакого изменения. Обе возникшие таким образом фонемы новые, так как их различительные признаки не те, что были у фонемы, из аллофонов которой они возникли» (Steblyn-Kamensky 1966: 14). Более сложной трактовки вокализма требует история скандинавского умлаута на *i* — одного из самых спорных вопросов скандинавской исторической фонетики. Характерно, что Стеблин-Каменский рассматривает это явление и на аллофоническом, и на фонемном уровне (там же: 53–54).

Стройность и последовательность теории фонологизации аллофона легко нарушить вопросом: почему аллофон сохраняет свой фонетический облик после отпадения тех элементов, которые этот облик вызывали? Зиндер ссылаясь в своих лекциях и в книге в этой связи на известную в ЛФШ скорее в устной традиции, чем по публикациям, «теорию общего облика слова» С. И. Бернштейна. «Согласно этой теории, каждый

элемент слова узнается по его звуковому облику в целом; следовательно, каждый элемент слова имеет существенное значение [...] основная смысловоразличительная нагрузка может перемещаться с одного элемента на другой» (Zinder, 1979: 243). Повидимому, ссылка на эту теорию ведет нас к еще недостаточно разработанной и сегодня концепции восприятия слова, и она имеет перспективы развития.

6. Тенденции языковой эволюции

Изучая оглушение исландских носовых и плавных, Стеблин-Каменский (1966: 112) указывает на то, что любой факт, считающийся причиной звукового изменения, никогда не является «неизменным антецедентом другого факта, т. е. единственной причиной». И далее: «Другой причиной данного звукового изменения, его причиной, так сказать, парадигматического порядка была, вероятно, общая тенденция развития системы исландских согласных» (там же).

Мысль об общих тенденциях эволюции фонологической системы языка, и более того, нескольких генетически сходных фонологических систем представляется плодотворной, т. к. подтверждается типологическим сходством диахронических процессов, в частности, в германских языках. Стремление создать историко-типологическую фонологию характерно для учеников и последователей Стеблин-Каменского. Вкладом в такую теорию стала книга Ю. К. Кузьменко «Фонологическая эволюция германских языков» (1991). Идеи, высказанные в этой книге, обсуждались и поддерживались и другими учениками Стеблин-Каменского, членами семинара по диахронической фонологии, в 1970–1980-х годах.

7. Ленинградские фонологические семинары

60-е–80-е годы — время развития диахронической фонологии. С 1961 и до 1966 года Стеблин-Каменский вел семинар по диахронической фонологии, в котором участвовали преимущественно молодые германисты. «На заседаниях каждый рассказывал о своей работе, но возникали и вопросы в равной мере интересовавшие всех» (Lieberman 2003: 886). Постоянными участниками семинаров были Г. В. Воронкова, В. А. Квятков-

ский, Г. С. Клычков, Я. Б. Крупаткин, А. С. Либерман, В. Я. Плоткин, М. В. Раевский, А. И. Степонавичюс.

В 1972 г. А. С. Либерман организовал в Ленинградском Отделении Института языкознания АН СССР семинар по диахронической фонологии германских языков, который по сути дела продолжал семинар Стеблин-Каменского (см. подробнее Kleiner 2010: 3–14). Позже его возглавил Ю. К. Кузьменко. Этот семинар, не имевший никакого официального статуса, объединял молодых германистов, занимавшихся проблемами фонологии. Семинар проходил еженедельно. На нем обсуждались спорные вопросы фонологии, рассматривались новые публикации, каждый делал доклад по теме своей работы. Многолетними участниками семинара были тогда еще молодые Ю. А. Клейнер, Ю. К. Кузьменко, Э. И. Мячинская, Л. Э. Найдич, А. Х. Озиева, И. А. Шин. Приглашались и более солидные ученые, авторы книг и статей, рассказывавшие о своих идеях и новых публикациях: В. Б. Касевич, Е. Д. Панфилов, В. Я. Плоткин, А. И. Степонавичюс.

Лекции и семинары Л. Р. Зиндера пользовались большой популярностью у лингвистов разных поколений; они запомнились всем участвовавшим в них. Такими были, например, аспирантские и придипломные семинары под его руководством. Помимо тех, которые были в рамках университетской программы, существовали и дополнительные. Так, в начале 70-х годов Зиндер читал двухгодичный курс по истории учения о фонеме, который посещали и аспиранты, и преподаватели, и вольнослушатели. Лекции затрагивали и проблемы диахронии. Слушатели задавали вопросы и обсуждали спорные проблемы фонологии.

В конце 1980-х годов и в 1990-е годы «фонологический энтузиазм» петербургских лингвистов утих; многие стали заниматься другими областями языкознания, некоторые уехали из России. Фонологический семинар возобновился лишь много позже по инициативе Ю. А. Клейнера и А. В. Андропова в рамках Петербургского лингвистического общества под названием «Просодика и просодия».

Исследование звуковых изменений требует кропотливой работы, эрудиции, затрат сил и времени, и не всякий молодой человек хочет встать на эту не дающую больших благ стезю. Кажется, что золотой век диахронической фонологии, существ-

вовавший в ограниченном пространстве, кончился. Но возобновление семинара, основанного Стеблин-Каменским, внушает надежду.

7. Заключение

Итак, вклад ленинградских (петербургских) лингвистов в диахроническую фонологию несомненен. Статьи Стеблин-Каменского о передвижениях согласных в исландском с экскурсами в историю других германских языков, о скандинавском ротацизме и другие остаются классикой германистики. «Историческая фонетика немецкого языка» Зиндера и Строевой дает глубокую трактовку ряда явлений и служит дополнением к настольной книге всех германистов «История немецкого языка» В. М. Жирмунского (Zhirmunskiy 1965).

Критикуя трактовку фонемы как пучка различительных признаков (Voronkova, Steblin-Kamensky 1970), Стеблин-Каменский выступает против «примитивной формализации», и с этим трудно не согласиться (Lieberman 2003: 887). Трактовка различительного признака в ЛФШ сложнее, чем при подходе, критиковавшемся им. Труды Зиндера и его сотрудников показывают фонетическое разнообразие одного и того же различительного признака: его единство вызвано языковой системой. При этом на первый план выходит морфология. Можно заподозрить, что свойственное ЛФШ обращение к морфологии вызвано опорой на русскую фонологическую систему и не применимо к другим языкам. В ответ на эти сомнения, высказывавшиеся его учениками, Зиндер утверждал, что и в морфологии таких языков, как английский и немецкий, есть что-то, на чем основывается фонология, например, система внутренних флексий.

Зиндер отрицал роль аллофонических изменений как подготовки к фонемным, подчеркивая, что фонемные изменения — это мутация, а варьирование аллофонов существует всегда. В этом концепция ЛФШ отличается от взглядов Стеблин-Каменского, признававшего постепенность изменений на аллофоническом уровне. Этот спорный вопрос не раз обсуждался на ленинградских фонологических семинарах (Lieberman 2003: 886).

Сравнение научных взглядов двух ленинградских ученых, предпринятое в данной статье, касаются лишь одной из сфер их деятельности. У каждого из них был широкий круг интересов.

У Стеблин-Каменского, помимо фонологии, — древнескандинавская литература, в изучении которой он выдвинул новаторские идеи. У Зиндера — экспериментальная фонетика, которой он занимался особенно увлеченно, в том числе и потому что она вносит вклад в фонологию, демонстрируя, абстрактность фонологических понятий и различие между ними и фонемной реализацией единиц. Несомненно и то, что в сфере диахронической фонологии труды Стеблин-Каменского не только обширнее, чем работы представителей ЛФШ, но и заостряют наиболее спорные вопросы диахронической фонологии. Библиография трудов Зиндера, к сожалению, включает в себя немного работ, посвященных диахронии, а большинство его учеников занимались вопросами синхронии. Тем не менее, его концепция звуковых изменений вносит вклад в представление об историческом развитии фонологических систем, а его теория, как и его личность, оказали большое влияние на ленинградское (петербургское) языкознание и на советскую лингвистику в целом, ведь его многочисленные ученики жили в разных городах и республиках Советского Союза. Важно и то, что Зиндер и его сотрудники расширяли круг исследований в области фонетики и фонологии, работали совместно с физиологами и психолингвистами, стимулировали развитие новых подходов к лингвистическим проблемам.

Указав на общность и различие взглядов двух ленинградских ученых, подчеркну в заключение сходство этих исследователей. Это их «научная харизма», привлекавшая учеников красота построения концепции, стимулирование мысли и верность науке.

Литература

- Bondarko, L. V., Zinder, L. R.: 1966: [On several distinctive features of Russian consonant phonemes]. *Voprosy yazykoznaviya*. 1, 10–14.
Бондарко, Л. В., Зиндер, Л. Р. 1966: О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. *Вопросы языкознания*, 1966, 1, 10–14.
- Jakobson, R. 1985: [Principles of historical phonology]. Якобсон Роман. Принципы исторической фонологии. *Избранные работы*. Москва «Прогресс». 1985. 116–132.
- Kleiner, Ju. A.: 2010: *Ocherki po obshchey i germanskoj prosodike*. [Essays on general and Germanic prosodics].

- Клейнер, Ю. А. 2010: *Очерки по общей и германской просодике*. Издательство «Факультет филологии и искусства СПбГУ. Серия «Лингвистические исследования».
- Kuzmenko, Ju. K. 1991: *Fonologicheskaya evoljuziya germanskich jazykov*. [Phonological evolution of Germanic languages].
- Кузьменко, Ю. К. 1991: *Фонологическая эволюция германских языков*. Ленинград: «Наука».
- Liberman A. S. 2003: [M. I. Steblin-Kamensky. Look at his work and memoirs]. In: M. I. Steblin-Kamensky. *Trudy po filologii*.
- Либерман, А. С. 2003: М. И. Стеблин-Каменский. Взгляд на его творчество и воспоминания. В кн.: М. И. Стеблин-Каменский. *Труды по филологии*. Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, 877–909.
- Liberman, A. 2012: Sound Change and Distinctive Features in Light of Dynamic Synchrony. In: *Vox Germanica. Essays in Germanic Languages in Honor of James E. Cathey*. Ed. by Stephen J. Harris, Michael Moynihan, and Sherrill Harbison. ACMRS: Tempre, Arizona, 2–13.
- Naiditsch, L. 2015: Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. Bd. LXXXII, H. 3, 331–349.
- Naiditsch, L. E.: 2022: [Palatal consonants in the Mennonite dialect Plattdietsch in the light of the development typology of the Ingvaeonic consonantism]. *Scandinavskaya filologiya*. 2022.
- Найдич, Л. Э. 2022: Палатальные согласные в меннонитском диалекте плаудитч в свете типологии развития ингвеонского консонантизма. *Скандинавская филология*. Т. 20 (2), 245–268.
- Shcherba, L. V.: 1974: *Jazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. [Language system and speech activity]. Leningrad.
- Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд. лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Л. 1974. Ленингр. отд.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1957: [Icelandic consonant shift]. *Skandinavskiy sbornik*. 2. Tallin, 205–221.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1957: Исландское передвижение согласных. *Скандинавский сборник*. Вып. 2. Таллин, 205–221.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 1966: *Ocherki po diachronicheskoj fonologii skandinavskikh jazykov*. [Essays on diachronic phonology of Scandinavian languages]. Leningrad: Leningrad State University.
- Стеблин-Каменский, М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Изд. ЛГУ.
- Steblyn-Kamensky, M. I. 2003: *Trudy po filologii*. [Works on Philology]. Philological faculty of the SPb State University.

- Стеблин-Каменский, М. И. 2003: *Труды по филологии*. Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург.
- Voronkova, G. V. Steblin-Kamensky, M. I.: 1970. [Phoneme — bundle of distinctive features?] *Voprosy yazykoznaviya.*, 1970. 6. 15–26.
Воронкова, Г. В., Стеблин-Каменский, М. И. 1970. Фонема — пучок РП? *Вопросы языкознания*. 6, 15–26.
- Zhirmunskiy, V.M. 1965: *Istoriya nemeckogo yazyka. Ucheb. dlja studentov ... M. Vysshaya shkola. Izd. 5-e peresm. i dop. (Izd. 1-e. L. Uchpedgiz. 1938).*
Жирмунский В.М. 1965: *История немецкого языка. Учебник для студентов... Изд. 5-е, пересм. и дополн. М. Высшая школа. (Изд. 1-е. Л. Учпедгиз 1938).*
- Zinder, L. R. 1957: [On sound changes]. *Voprosy yazykoznaviya.* 1, 69–77.
Зиндер, Л. Р. О звуковых изменениях. *Вопросы языкознания* 1957, 1, 69–77.
- Zinder L. R., Bondarko L. V. Verbickaja L. A.: 1964. [Acoustic characteristics of difference between not palatalized and palatalized consonants in Russian]. *Voprosy fonetiki. Uchenye zapiski LGU,* (325). 28–36.
Зиндер, Л. Р., Бондарко, Л. В., Вербицкая, Л. А. Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке. *Вопросы фонетики. Ученые записки ЛГУ.* 1964, (325), 28–36.
- Zinder L. R., Stroeva T. V. 1965: *Istoricheskaya fonetika nemeckogo yazyka. [Historical Phonetics of German].* Moscow: Prosveshchenie.
Зиндер Л. Р., Строева Т. В. *Историческая фонетика немецкого языка.* Изд. «Просвещение» М. 1965.